

Владимир Дмитриев

ЖИЛИ-БЫЛИ

Уважаемый
Михаил Сергеевич!
Спасибо Вам за историю!
От семьи автора - Владимира Дмитриева
на гонимую историю и темные воспоминания
о Вашей встрече в Великий Новгород!
Низкий Вам поклон и...
Так держать, Михаил Сергеевич!
С уважением,
семья Дмитриевых

01.02.2022 г.

Москва
«Вече»

ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ

О Михаиле Горбачёве советский народ знал очень мало или, можно сказать, почти ничего. Его назначение на должность генерального секретаря ЦК КПСС состоялось сразу после кончины другого кормчего партии, Константина Черненко, получившего прозвище КУЧер (по первым буквам имени и фамилии), который ввиду тяжелой болезни простоял у руля совсем недолго и о котором говорили, что к обязанностям генерального секретаря он приступил, не приходя в сознание. Помню, коллеги с Центрального телевидения (так оно тогда называлось) рассказывали, что на выборах в Верховный Совет РСФСР в 1985 году для тяжелобольного Черненко в палате кремлевской больницы соорудили копию московского избирательного участка, куда якобы своими ногами пришёл голосовать «герой дня», чтобы выполнить священный долг советского человека отдать свой голос «за нерушимый блок беспартийных и коммунистов». На самом деле его переодели из больничной пижамы в гражданский костюм, провезли на каталке в соседнее помещение, где он и должен был в окружении соратников по Коммунистической партии опустить бюллетень в урну. Что он и сделал! Но, как было видно по телевизионному сюжету, из самых последних сил, которых хватило, чтобы остекленевшим взглядом посмотреть в камеру и еле слышным голосом произнести: «Хорошо!»

Предшественнику Черненко генсеку Юрию Андропову, по всей видимости, тоже было «Хорошо!» — он-то в последние месяцы своего правления с кровати вовсе не вставал и на людях не показывался. Но в таком состоянии подготовил Отчетный доклад к какому-то очередному съезду КПСС, на котором

хоть и не появился, но его глубинный текст был опубликован во всех газетах и с утра до вечера звучал по радио и телевидению.

В общем, начавшаяся со смерти «дорогого Леонида Ильича Брежнева» «пяtilетка пышных похорон», как тогда называли это время, по всей видимости, закончилась, и советским людям представили нового руководителя партии, о котором давно уже ни во что не веривший народ только и мог сказать: «Ну чего? Молодой!» Было тогда «молодому» лидеру 54 года, и действительно, на фоне других членов Политбюро он выглядел почти юношей!

Да и не ждали от него, судя по настроениям, ничего особенного. И неособенного тоже не ждали, все будет, как и было, великий народ великой страны по-прежнему на правильном пути и никогда с него не свернет и будет бороться за идеалы светлого будущего, следуя бессмертному марксистско-ленинскому учению, и... и... и... А великий народ великой страны, несмотря на непрерывный рост благосостояния, который его буквально преследовал, постоянно думал, как накормить семью и во что ее одеть.

Вечерами, скорее из любопытства, люди включали телевизоры, и первое, что обсуждали утром на работе, поначалу сводилось к одному: «Смотрели вчера Горбачева? Он же без бумажки говорит!» Генсек стал много ездить по стране, ходить по фабрикам и заводам, встречаться с местными жителями в каком-нибудь далеком Доме культуры и даже мог выйти из своего автомобиля, чтобы прямо на улице подолгу разговаривать в толпе. И если поначалу нам всем было просто интересно наблюдать за происходящим, то со временем люди стали вслушиваться в суть его выступлений: а чего же он хочет? Неужели всерьез поменять жизнь этой страны?

Процесс пошёл

И то, что вчера было просто невозможно даже представить, вдруг становилось реальностью. Снимались запреты на издание книг, большими тиражами вышли «Доктор Живаго» Бориса Пастернака, «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына, «Белая гвардия» Михаила Булгакова, многие другие «антисоветские произведения» русских и зарубежных писателей. Перестали глушить западные радиостанции, и можно было спокойно слушать «Голос Америки», «Радио Свобода» и все, что можно найти в эфире. Становятся регулярными телемосты СССР — США. Михаил Горбачев позвонил академику Сахарову и сообщил ему, что он освобождается из многолетней ссылки в Нижний Новгород. В ноябре 1985 года в Женеве состоялась первая встреча Михаила Горбачева и Президента США Рональда Рейгана, давшая старт переговорам по ограничению вооружений. Наконец в Советском Союзе разрешена частная предпринимательская деятельность, массово организуются кооперативы и упрощается выезд советских граждан за границу.

«Процесс пошёл», как любил говаривать Михаил Сергеевич и в конечном счёте дошёл до отмены 6-й статьи Конститу-

ции СССР о руководящей роли КПСС и установлении многопартийной системы. Наша перестройка помогла рухнуть Берлинской стене, а вместе с ней и коммунистическим режимам стран так называемого социалистического лагеря!

Пришли перемены и в регионы. Хорошо помню, как проходили выборы в новгородский областной Совет народных депутатов, объявленные свободными и альтернативными. Я сам, тогда главный редактор молодёжной газеты «Новгородский комсомолец», баллотировался по одному из округов Новгорода и таких, как я, кандидатов-соперников было здесь 12 человек, от токаря производственного объединения до генерального директора крупного предприятия. Схожая картина наблюдалась повсеместно, и впервые избирателям было дано право не голосовать, а избирать. Они изучали биографии кандидатов, их программы, спешили после работы на встречи с ними, которые в нешуточных спорах продолжались

порой до позднего вечера, нередко собирались на митинги в поддержку или против. А уж что творилось на сессиях нового областного Совета, куда вошли 150 (!) всенародно избранных депутатов из всех районов области, знаю тоже не понаслышке, потому как оказался в их числе. Вот это было место для дискуссий, да ещё каких!

Кстати, в повестку дня первого заседания нового областного Совета был по настоянию депутатов включён вопрос об учреждении своей общественно-политической беспартийной газеты, которая и вышла через несколько месяцев под названием «Новгородские ведомости».

Вообще, средства массовой информации в перестроечную эпоху — тема особая. Мне кажется, что и сам Горбачёв, провозглашая политику «гласности» как некий инструмент диалога власти и общества, не мог и предположить, как быстро рухнет выстраиваемая десятилетиями советская система цензуры и информационных запретов. Я стал руководителем печатного издания примерно в одно время с назначением Горбачева и видел все это изнутри. Поэтому могу утверждать, что такого читательского бума в нашей стране никогда не было и уже не будет. Помню, как с самого раннего утра, задолго до открытия, люди выстраивались в длинные очереди у киосков «Союзпечати» и за считанные минуты сметали с прилавков газеты и журналы, от корки до корки читали сами, а потом передавали друзьям и знакомым. Несомненной удачей считалось купить, а ещё лучше выписать «Московские новости», «Литературную газету» или журнал «Огонек». В перестроечное время в Книге рекордов Гиннеса был зафиксирован абсолютный рекорд — в пик своей популярности «Аргументы и факты» подняли тираж до (внимание!)... 33,5 миллиона экземпляров.

На советского человека из рассекреченных архивных источников, журналистских расследований, редакционных аналитических статей хлынул такой поток информации, что многие задавались вопросом: неужели все это происходило

и происходит в стране, в которой мы живем? И как, например, смириться с мыслью, что в Москве существуют и прекрасно себя чувствуют валютные проститутки, о которых в публикации «Белый танец» рассказала газета «Московский комсомолец» и которую тогда перепечатывали региональные издания? Буквально до дыр зачитывали толстые литературные журналы «Новый мир», «Знамя», «Москва», «Дружба народов» с романами «Дети Арбата» А. Рыбакова, «Жизнь и судьба» В. Гроссмана, «Белые одежды» В. Дудинцева. В те годы популярна была такая байка. Встречаются два известных писателя, и один у другого спрашивает: «Как дела? Что пишешь?» А тот отвечает: «Какое пишешь! Я и читать-то не успеваю!»

И даже мы в своей молодежной газете уведомляли читателей: «Спешите вовремя оформить подписку на газету “Новгородский комсомолец”! Тираж ограничен!» А у меня, как главного редактора, был даже свой особый резерв, из которого можно было выделить пару десятков подписных комплектов по своему усмотрению.

— Смотри-ка ты, на дефиците сидишь! — подшучивали надо мной друзья.

«Трезвость — норма жизни!»

Чего-чего, а дефицита в то время хватало. А вот в магазинах в достатке не было не только продуктов, но и самого элементарного, какой-нибудь кухонной посуды или сезонной обуви. Со временем появились талоны, по которым продавалось почти все — от колбасы и масла до сигарет и алкоголя. Даже такую мелочь вроде зубной щетки можно было купить, лишь предъявив «Карту покупателя», в которую помимо ФИО обладателя была вклеена его фотография, заверенная какой-то печатью. Но, даже имея на руках и талоны и карту, приобрести необходимое было часто невозможно, потому что повседневные товары часто в продаже отсутствовали напрочь. А чтобы

купить, например, примитивный мебельный гарнитур или цветной телевизор, люди записывались в специальные списки и вынуждены были месяцами ходить отмечаться, чтобы дожидаться своей очереди.

А уж по мере того, как в стране набирала обороты объявленная Горбачёвым антиалкогольная кампания, совсем становилось не по себе, хотелось напиться, да не получалось, спиртное было в страшном дефиците! Производство его резко сократили, как и продажу, и количество торгующих алкоголем магазинов, время их работы, установив строгую норму отпуска в одни руки. В стране стали вырубать за ненадобностью виноградники, даже прекратили производство традиционных пивных кружек, и можно было видеть, как у редких пивных точек толпится несметное количество мужиков с поллитровыми банками, принесенными из дома. Винные магазины брали приступом, с матом и криками, часто все заканчивалось дракой. В прессе время от времени стали появляться сообщения о летальных исходах такого противостояния.

Помню, как наблюдал в Новгороде в действии ноу-хау властей при продаже алкоголя. Чтобы толпа не вынесла окна и витрины, что часто бывало, к магазину подогнали рейсовый автобус ЛАЗ и поставили его так, что очередь заходила в его заднюю дверь, двигалась по салону, а входила в магазин через переднюю. Обойти эту преграду было невозможно, и всего пара милиционеров обеспечивала относительный порядок. Правда, видел такую картину всего один раз. Широко применить ее на практике не получилось, общественного транспорта в городе тоже не хватало.

Зато в деле борьбы с пьянством и алкоголизмом хватало безумных инициатив, которые поддерживались властями. Целые посёлки и даже города объявляли себя трезвыми зонами и прекращали торговать спиртным вообще. Приветствовались безалкогольные свадьбы. В регионах, особенно в сельской местности, объявлялись дни добровольной сдачи самогонных аппаратов, и по телевизору показывали, как местное население тащит к сельсовету бидоны, кастрюли и змеевики и сбрасывает их в кучи. В трудовых коллективах повсеместно создавались первичные ячейки Всесоюзного общества борьбы за трезвость, а вступившим в него в торжественной обстановке вручались удостоверения и нагрудные значки. На предприятиях стали заседать постоянные комиссии по борьбе с пьянством и алкоголизмом, на которых регулярно рассматривались персональные дела тех, кто позорит коллектив. Как-то, совсем случайно, мне довелось побывать на таком мероприятии. Помню, распекали средних лет тщедушного щупленького мужичка, наладчика станков и, как выяснилось, мастера золотые руки, без которого на производстве просто завал. Но запойного.

«Ну, вот ты скажи, что с тобой делать?» — обратился к нему в конце своей долгой эмоциональной речи секретарь парткома. Смотревший все это время в пол умелец поднял голову и, глядя на членов комиссии, честно ответил с пафосом передовицы газеты «Правда»: «Со мной нужно беспощадно бороться!»

Вот такое это было время. Время Горбачева! Кто-то остаётся ему признателен за то, что дал право выбора, учил быть свободным. Кто-то ненавидел и ненавидит до сих пор за то, что развалил Советский Союз. Но вот что характерно. По статистике, в середине 80-х одно из самых популярных имен, которое давали новорожденным мальчикам, было Миша. Мой сын родился в сентябре 1986-го. Его тоже зовут Михаил.

Браво, Горби!

Первый раз в Новгород Михаил Горбачев приехал в конце 1994 года. Визит был частным, неофициальным, что не помешало губернатору Михаилу Прусаку принимать его по самому высокому разряду. Была составлена обширная программа пребывания, включавшая многочисленные встречи бывшего Президента СССР с новгородцами. Приехал он один, без Раисы Максимовны, что было скорее исключением, и на то, очевидно, имелись веские причины. Примерно через год Горбачев снова приедет в наш город, но уже вместе с супругой, которая, как и в былые времена, будет всегда рядом, такая же элегантная, со вкусом одетая и приветливая.

А этим вечером в ресторане «Детинец» в честь высокого гостя должен был состояться торжественный губернаторский ужин, где к назначенному времени и собрались приглашённые. Несмотря на трудный день, Михаил Сергеевич был бодр и весел. Настроение его ещё поднялось, когда в одном из присутствующих, генеральном директоре «Интуриста» Владимире Церковном, он узнал своего однокашника по институту, и им удалось какое-то время пообщаться.

За столом Горбачев много шутил, смеялся, хвалил местную кухню.

— А хотите я вам свой любимый анекдот расскажу? — обратился к нам Михаил Сергеевич, когда все официальные тосты уже были подняты.

И продолжал:

— Борьба с пьянством, 85-й год, огромная очередь в винный магазин. Стоять долго, и чем ближе ко входу, тем больше давка. Один мужик не выдерживает и говорит:

— Все, терпеть больше не могу, пойду в Кремль Горбачеву морду набью!

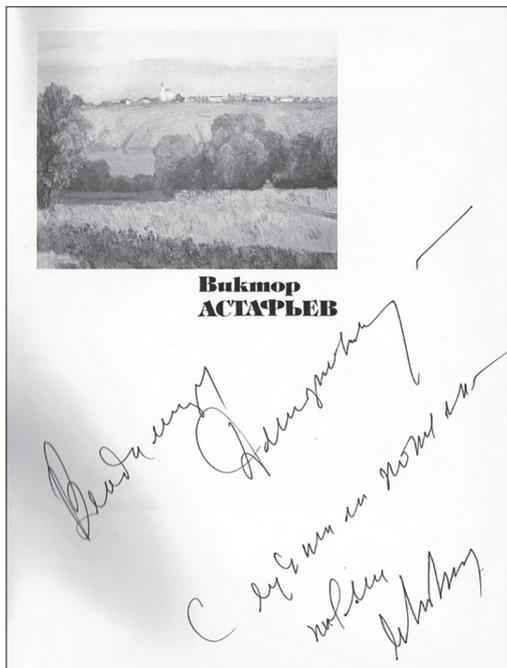
Через какое-то время возвращается.

— Ну что, набил? — спрашивают мужики.

— Не, не набил, — отвечает. — Там очередь в два раза больше, чем здесь!

...К концу вечера, когда уже были съедены фирменные блины и выпито ещё по одной рюмочке, Михаил Сергеевич вдруг предложил:

— А давайте, друзья, споем! — И первый затянул: — «Не слышны в саду даже шорохи...» — Все подхватили и, когда

дошли до слов «если б знали вы, как мне дороги», Горбачев встал, поднял для акцента вверх указательный палец и символизировал: — Новгородские вечера...

За столом я весь вечер общался с сидевшими рядом помощниками Горбачева, и они признались, что таким его давно не видели.

А когда все стали расходиться, уже на выходе один из них подошёл ко мне и сказал:

— Завтра Михаил Сергеевич хотел бы видеть вас на завтраке. Ему было бы интересно поговорить с вами как с главным редактором областной газеты.

Ровно в 7 утра я был в указанном месте. Туда уже приехал управляющий делами областной администрации Антон Земляк, который, как всегда, отвечал за программу пребывания высоких гостей. Из новгородцев нас тут оказалось только двое. Пришёл Горбачев со своими коллегами, и мы проговорили где-то около часа. Забегая вперёд, скажу, что недели через три мне позвонил один из помощников Михаила Сергеевича и предложил сформировать в нашей области штаб по выборам Горбачева на пост Президента России, которые должны состояться в 1996 году. Тогда-то я и понял главную цель его приезда в наш город. И кто знает, может быть, после этих тёплых дружеских встреч Горбачев и принял окончательное решение войти в список кандидатов и, как ему тогда казалось, даже возглавить его! Но я от предложения участвовать в предвыборной кампании отказался по чисто профессиональным соображениям.

...У гостиницы уже стоял представительский ЗИЛ, чтобы отвезти Горбачева в тогда ещё действующий новгородский аэропорт, откуда он должен был специальным бортом улететь в Москву. А перед отъездом Михаил Сергеевич подарил мне книгу Виктора Астафьева «Русский алмаз», которую издал Горбачев-Фонд с надписью: «Владимиру Дмитриеву — с лучшими пожеланиями. М. Горбачев».

Когда подъехали к Юрьевскому аэропорту и вышли из машины, Михаил Сергеевич указал на видневшиеся вдали купола и спросил: «Это там что? Монастырь? А давайте, парни, в церковь сходим».

Было раннее утро, но, по счастью, Георгиевский собор оказался открыт. Горбачев подошёл к храму, снял свою шапку-пирожок, перекрестился, и мы зашли внутрь. Там было довольно темно, и, пока глаза привыкали, различить можно было лишь несколько икон с горящими возле них свечами. Потом я увидел довольно большую группу людей, которые с нашим приходом как-то оживились, переглядывались и удивленно смотрели на Михаила Сергеевича. Затем заговорила экскурсовод, но заговорила по-немецки, и стало понятно, что это немецкие туристы. Меня кто-то потянул за руку, и возле самого уха я услышал вопросительное и ломаное: «Корпачеф?» Моих познаний в немецком хватило, чтобы повернуться и ответить: «Я... Я... Горбачев». По храму прошёл шёпот, и вдруг все замолкло, включая экскурсовода. И только тут я понял природу этого изумления. Раннее субботнее утро, когда и прохожих-то на улицах раз-два и обчелся. Провинциальный городок где-то на севере России, совершенно пустой храм, который специально открыли только для этой группы и... Горбачев! К тому же это были не кто-нибудь, а немцы. Я неоднократно бывал в Германии и знал, как там его чтят и обожают, считают одним из главных политиков, сделавших возможным объединение их страны. Из последней поездки я даже привёз футболку, которую мне подарили на одной из встреч немецкие журналисты. На ней был принт улыбающегося Горбачева и надпись по-русски «Браво, Горби!».

Через какое-то время мы остались в храме одни. Михаил Сергеевич поставил свечи, ещё немного постоял в одиночестве и направился к выходу. А выйдя на улицу, мы увидели, что немцы никуда не ушли. Они стояли прямо у дорожки и, может, кого-то ждали, может, просто наслаждались красотой

ми, но, когда Горбачев поравнялся с группой, они вдруг... зааплодировали. Услышав аплодисменты, Михаил Сергеевич немного смутился, вежливо кивнул и, забыв надеть свою шапку-пирожок, стал спускаться к выходу, вниз, к колокольне. Так и шёл, небыстро, с непокрытой, слегка опущенной головой по дорожке заснеженного и безлюдного монастыря. Наверное, о чем-то думал. Или вспоминал. Ему есть что вспомнить!

P.S.

Через несколько лет в Кремле, в моем журналистском блокноте, оставит свой автограф Президент России Владимир Путин. Но это уже другая история.